

Рознакомился с Романом Карменом, когда он вернулся из пустыни Каракум, где участвовал в знаменитом и, наверное, первом нашем автопробеге. Я восторженно глядел на него — худого, загорелого, подвижного, настоящего покорителя пустыни. А он оказался веселым и, что было для меня особенно важно, любил стихи, музыку. Замечательно умел рассказывать, а рассказывать ему было о чем. Скажу честно: написавший несколько книг, умевший дать в газету репортаж и очерк, он не превзошел своих устных рассказов.

В неопытных стихах молодых поэтов он выискивал и отмечал те строфы, где так или иначе отражались необычные черты времени, казавшиеся и ему, и мне такими новыми. Наверное, именно романтика нового мира сблизила и породнила нас — кинооператора и поэта, на долгие годы связав дружбой и совместной работой в кино. Но фильмы были много позже, после войны.

А тогда мы только познакомились, и вскоре он надолго уехал по маршруту мечты моего поколения. Он показал этому поколению и всей стране сражающуюся Республиканскую Испанию, он стал нашим полпредом, посланцем нашей надежды. Я думаю, что никакие депеши и корреспонденции не сыграли в нашем отношении к испанским событиям столь же великой роли, как кинорепортажи Кармена и Макасева.

Мы снова встретились в сражающемся Сталинграде, где жили в маленьком доме поселка Заварыкино, вместе выезжая на передовую — Кармен на съемку, я для сбора материалов для фронтовой газеты (от меня требовались не только стихи, но и корреспонденции о героях и подвигах). В поездках мы с Карменом держались друг за друга — пользоваться приходилось ненадежным попутным транспортом — редко операторам давали машину, а уж поэту она и вовсе не полагалась.

Находясь в войсках, я был втянут Карменом в испанское братство: многие командиры раньше сражались с Романом «там».

Маршал артиллерии Николай Николаевич Воронов называл Кармена Ром, а тот именовав Воронова испанским псевдонимом — Вольтер.

Добродушный командир гвардейской дивизии генерал Александр Родимцев был у Романа не иначе как Павлитом, а командарм Павел Иванович Батов был в их беседах полковник Фриц, хотя на этой войне такое имя не очень ладно звучало.

Советские испанцы — так они назывались. Впрочем, в войсках приходилось встречать и настоящих испанцев — то были выросшие дети, которых привезли когда-то, спасая от бомбежек Валенсии и Мадрида. Одно из этих юношей Кармен нашел после войны среди поступающих в Государственный институт кинематографии, где мой друг начинал преподавать операторское искусство. Антонио Альварес был верным учеником Романа, стал его ассистентом и долгие годы работал рядом с ним, участвуя в самых важных съемках.

В 1956 году «испанских детей» потянуло на родину, они выбрали трудный и тогда небезопасный путь. То было ведь еще правление Франко. Я присутствовал при расставании Романа с Антонио. Они обещали друг другу встретиться в Мадриде, и через тридцать лет Кармен туда отправился, гостил у своего бывшего ассистента. Они снимали вместе аппаратом Антонио, и их общие кадры вошли в документальный фильм, выпущенный Романом по возвращении домой.

Да, Испанию Кармен всю жизнь носил в своем сердце. Он мог без передышки рассказывать о Родимцеве, Батове, Шумиллове — теперь уже наших сталинградских сотоварищах, а о Михаиле Кольцове говорил всегда восторженно и печально. В те времена имя Кольцова упоминать было опасно, но Роман был не из осторожных, не из трусливых.

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

Романтик Роман

...Но вновь возвращаюсь памятью в Сталинград. Наступила середина зимы, короткие и пасмурные дни, время для съемок было самое ограниченное. Если я мог прийти к бойцам в заледеневшую траншею, в тесную землянку, для Кармена такая возможность была просто не нужна: он смотрел на войну и на воинов через объектив кинокамеры и мог быть только на свету, под открытым небом каждую светлую минуту рисковал и мог стать мишенью для снайпера. Но он был обыкновенный храбрец. Пули его миновали, он снимал на поле боя...

Помню только одну его съемку в помещении: когда в штаб Рокоссовского и Воронова привезли фельдмаршала Паулюса, Кармен снял исторический фотокадр. Николай Николаевич Воронов и Константин Константинович Рокоссовский через переводчика капитана Колю Дятленко (ныне писателя и историка) беседуют с Паулюсом.

Этот снимок был опубликован во многих газетах мира. Он как бы завершал Сталинградскую битву.

Мы расстались до осени сорок четвертого. На Первом Белорусском фронте у нас с Карменом уже был «виллис» — драгоценный экипаж, на котором мы отчаянно носились.

Работа Кармена шла на глазах у многих командиров, восторженно относившихся к знаменитому оператору. Иной генерал, едва познакомившись, простоудушно и заботливо предлагал инсценировать бой где-нибудь во втором эшелоне дивизии. Что греха таить, некоторые не прочь были воссоздать картину боя в безопасном овраге. Но предложить такое, не поссорившись со знаменитым «киношником», было нельзя. Как вы смеете такое говорить, мой объектив для вранья непригоден!

Одержимость оператора высоко ценили полевые командиры, но поскольку операторы состояли не в воинской части, а в штате студии документальных фильмов, наградить их орденом или медалью мог только Центр. Как правило, представления из войск где-то оседали. Операторы огорчались, переживали, ощутив в очередной раз, что награда прошла мимо. Даже была сложена песенка, которую они любили напевать шуточно и грустно:

Бойца войны огромный
Мне звание не дано,
Зовут вольнонаемным
Работника кино.

Живет моя награда
В приказе сорок пять,
Четвертый год приказа
Не могут подписать.

Шутки шутками, а Роман Кармен всю войну носил на гимнастерке единственный орден Красной Звезды, полученный за Испанию. Свидетельствую — я никогда не слышал от него слов обиды, но он дрожал от досады, не находил себе места, если узнавал, что пропустил интересное событие, важную съемку.

Невольно связанные — начиная с рубежа Вислы — нашим общим вездеходом «виллис», мы находились все время вместе. Не скрою, что намечал сюжеты, составлял планы действий чаще всего Роман. Я не возражал, заранее зная, что пустого дела он ни себе, ни мне не навяжет. Но подчас тяжело доставалось мне от его взрывчатой и неугомонной энергии. Как-то узнав от армейских разведчиков, что Вислу переплыли две польские девушки, Кармен загорелся: значит, еще будут переплывать к нам из партизанской сражающейся Варшавы! Представляешь, какой получится кадр — вот кто-то переплывает реку глубокой ночью, вряд ли такой случай повторится, к тому же снять тебе его не удастся. Мой друг, неукротимый фантазер, убеждал меня, что можно будет включить хотя бы на момент фонарь (были у нас американские сильные фонари), если изловчиться, если подсветить выстрелом из ракетницы.

Ситуация ясна — Кармен будет дежурить с кинокамерой, а я — с тем могучим электрофонарем да еще и с ракетницей. Наивные безумцы, мы с вечера залегли в камышах на берегу Вислы, на окраине варшавского пригорода Прага, и стали дежурить. Нас сопровождали еще два красноармейца в маскировочных костюмах, тоже вооруженные фонарями.

Поздней осенью было уже холодно (по-польски — «зимно» — точнее не скажешь). Мы сильно промокли в прибрежных камышах. Обстрел то затихал, то начинался с новой активностью. Увы, в ту ночь никто не приплыл из Варшавы. Только я заработал свирепое воспаление легких, такое, что пришлось потом отлеживать в польском доме, у добрых и внимательных хозяев. Кармен с ног не свалился, не простудился, спровоцировав фурункулез, от которого долго не мог избавиться. Болезнь то затихала, то проявлялась вновь. Кстати, в

фотолетописи войны и в истории советской кинематографии есть такой кадр: Роман с аппаратом на горячей улице Берлина. Он снят со спины, шея его забинтована.

Возможно, наш далекий потомок, через полвека рассматривая этот кадр, подумает: Кармен был ранен? Как очевидец, свидетельствую: ни в Испании, ни на Великой Отечественной, ни в тех боях, где пришлось ему снимать потом, мой друг не был ранен, он был как заколдованный, как заговоренный. Если на эту тему заходил разговор, Роман отшучивался: я трусоват и тороплив, так что уворачивался от пули!

На пути от Буга до Шпрее мы не раз останавливались в польских домиках. Кармен, родившийся в Одессе, еще в детстве от поляков-соседей научился основам польского языка, но очень складно, но бойко «ммувил» с очередными хозяевами и быстро овладевал их симпатиями. Они величали его пан Роман, пан Роман.

Однажды мы получили американские подарки — пушистое с синими прожилками белье, и в обновках отравились умыть. Хозяйка воскликнула: «Пан Роман, яка ладна кошуля, у моего пана сроду такой не было!» (Рубашки мы обрели у начальника тыла корпуса — он был особо расположен к нам).

Кармен мгновенно разделся и преподнес хозяйке совсем новую рубашку: «Проше!»

Хозяйка смущалась, не принимала подарка, но мы ее уговорили. Позвала своего пана, он примерил, пытался отказать, но дарение было произведено.

А вечером хозяйка постучала в нашу дверь — она была вся в слезах. Что произошло? Оказывается, хозяйин похвалил и продемонстрировал свою обновку в кругу соседей: ни у кого такой не водится! Уж не знаю — то ли соседская зависть сработала, то ли какой ветер, но в штабе корпуса стало известно, что американский подарок у одного поляка, а рубах всего-то дюжина была получена и по выбору роздана офицерам. «Комендант, разберитесь!» Комендант был тупой служака. Хозяин нашего постоя был арестован и увезен в комендатуру.

Роман пришел в ярость. Мы были дьявольски уютны, но он бросился в комендатуру, объяснился на басах с бдительным служакой и привел неудачливого бахвала в американской рубашке домой, где его уже оплакали как жертву большевиков.

А вообще Кармен был типичным бесребренником. Когда через годы после войны он ушел из жизни на пике славы — лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда, возникла идея учредить его мемориальный музей, и выяснилось, что мизерно мало в доме вещей-экспонатов. Полка с книгами и кушетка, на которой он спал, фотографии, рукописи да осколок снаряда из Вьетнама, а еще подобранная на тротуаре исковерканная вывеска с берлинской «Унтер-ден-Линден».

Сверх работы с кинокамерой Роману была поставлена еще одна нелегкая задача: он телеграфировал в Совинформбюро для иностранной печати. Его имя было известно на Западе, и настоящую сенсацию произвели репортажи о колонне британских солдат и офицеров, только что освобожденных нашей армией из немецкого плена, и посещении лагеря военнопленных американцев. Большинство пленных эсэсовская охрана уже успела погнать на запад при отступлении, но человек двести офицеров были освобождены нашими в городе Шубин. Роману удалось их снять, записать имена. Корреспонденция была опубликована в газете «Нью-Йорк таймс».

В Соединенных Штатах уже через много лет Кармен с чисто репортерским рвением старался найти тех бывших военнопленных, но велика Америка, а времени и денег в командировке всегда в обрез, и этот замысел ему не удалось осуществить. Однако в многофильмовом сериале «Неизвестная война на Востоке» этот мотив промелькнул, как мысль и воспоминание. Сериал оказался лебединой песней Романа. Будучи руководителем этого грандиозного замысла, Кармен при монтаже сводил до минимума собственные кадры, стараясь показать лучшие работы своих товарищей — фронтовых операторов, чтоб побольше их оказалось в составе участников сериалов, слившихся премии и награды.

Думаю, что не омрачу памяти товарища, если вспомню и вновь скажу, что в Кармене всегда жило веселое мальчишество. Одно его озорное дело стало известно наступающим войскам — о нем еще долго увлеченно говорили.

В поселке фирмы Сименс — уже на берегу Шпрее — находился командный пункт танковой армии. Внимание Кармена привлек городской телефон. Берлинский телефон! Кармен снял трубку, ответил женский голос.

Чудеса какие-то — станция действует, хотя в городе бой.

Срочно позвали переводчика.

Запросили у телефонистки номер министерства пропаганды.

Подзадориваемый Карменом переводчик пригласил к аппарату... кого бы вы думали? — доктора Геббельса.

— У телефона имперский министр пропаганды доктор Геббельс.

— Как долго вы можете и намерены драться за Берлин? Несколько недель? — повторил переводчик текст Кармена.

— О нет, несколько месяцев!

Потом наш переводчик под диктовку Романа произнес несколько дерзких фраз. Геббельс выключил телефон.

Неожиданный успех, надо признаться, перепугал участников озорного мероприятия. Вдруг начальство сочтет, что офицеры затеяли какие-то переговоры с Геббельсом! Это ж надо, под конец войны совершить мальчишескую глупость, голова может слететь с плеч. А если мировой скандал?

К счастью, в танковой армии были генералы, уме-

шие ценить юмор. Может быть, сыграло свою роль их доброе отношение к Кармену. Мне рассказывал порученец маршала Жукова, что не без тревоги докладывал: оператор Кармен дозвонился до Геббельса. Маршал улыбнулся, а улыбка его дорого стоила и была отпущением грехов...

Потом мы разделились: Кармен двинулся с танкистами — я направился в 8-ю гвардейскую армию, где мне посчастливилось присутствовать при капитуляции берлинского гарнизона.

Второго мая у Бранденбургских ворот мы вновь встретились. Роман был близок к отчаянию: как он пропустил все, что происходило на командном пункте 8-й гвардейской у Чуйкова: приходил просить пардону генерал пехоты Кребс, объявил о капитуляции Берлина генерал артиллерии Вейдлинг. И все это не снято на пленку, не снято им, прохлопали и его товарищи-хроникеры!

Он несколько остыл, узнав, что в квартире на улице Шуленбургринг Чуйков вообще не разрешил снимать. Один только кадр сумел сфотографировать репортер Фотохроники ТАСС Евгений Халдей — посланец Геббельса генерал Кребс уезжает обратно в имперскую канцелярию. Ночью он покончил с собой. Кармен снял его труп рядом с трупом Геббельса, отравившего жену и детей.

Война еще долго не отпускала своего летописца. Ему пришлось снимать процесс над главными военными преступниками в Нюрнберге, колониальную войну во Вьетнаме.

Он вновь и вновь складывал ленты из материалов, снятых им и его товарищами на фронтах великой войны, привлекая к работе над текстами Константина Сиимонова, Бориса Горбатова, Сергея Смирнова.

А меня Кармен привлекал к картинам, тема и материалы которых были для него новыми.

Он приехал однажды посреди ночи, разбудил меня, рассказывал увлеченно о Нефтяных Камнях и каспийских добытках нефти. Он захлебывался междометиями. Я уже знал — он не «отпустит» себя от этого материала, пока не снимет фильм. Но он снял не один — два фильма: «Повесть о нефтяниках Каспия» и о них же «Покорители моря» — романтическую повесть о людях, в которых прямо-таки влюбился. Композитору Кара-Караеву и мне он поручил написать песни. Никогда я так много сил и времени не отдавал сочинению — мы работали около полугода, спорили, мучались, начиная все заново, а потом зачеркивали и опять принимались за дело.

Песни мы сочинили, они вошли в картину, но успеха, увы, не имели.

Несмотря на явную мою неудачу, Кармен, приступая к новой работе, опять предложил мне впрячься в его колесницу. Как всегда, он ворвался ночью, восторженно рассказывал о новом изобретении в кинотехнике — широкоформатном и крупноформатном кино.

Мы взялись за создание первой картины, решенной в новой технике.

Что получится — сами не знали, но увлеклись. Сели писать сценарий, он задумывался, как документально-видовой. К новаторскому фильму было привлечено внимание разнообразного начальства. Кино тогда было отдано в руки Министерства культуры, и над нами взяла шефство сам министр Николай Александрович Михайлов.

Получив сценарий, Михайлов вызвал нас в министерство. Он был явно не в духе, важно цедил сквозь зубы критические замечания.

Нам было высочайше предложено в корне и на корню переработать саре неудачное новаторское сочинение.

Кармен, которого я не раз видел нервным и импульсивным, был на этот раз экипурически спокойным.

Такой занятой человек, товарищ министр культуры, некогда ему читать наш сценарий, вдобавок перепечатанный тобой с ошибками на серой бумаге. Надо раздобыть первоклассной бумаги, дать перестукать хорошей машинистке, особенно выделяющей абзацы. Сценарий был отдан тут же министерской машинистке, находившейся в приемной.

Новый текст (без единой поправки, на отличной бумаге) через неделю был передан Михайлову на суд. Вскоре мы узнали, что сценарий одобрен и принят — все путем, запускайте в производство!

Министр культуры, чуть не зарубивший сценарий, видимо, изменил свое отношение к нашему детищу, стал торопить нас и проявлять беспокойство: он, видите ли, доложил Никите Сергеевичу, что создается такой фильм, и тот сказал, что принимать готовую картину будет сам.

Был построен специальный экран, мы спешно заканчивали работу над своим детищем, и вот в Научно-исследовательском институте кинематографии был назначен просмотр.

В научно-исследовательский институт Хрущев приехал, сопровождаемый всеми тогдашними руководителями.

Одним из свойств технической новинки было стремительное мелькание кадров. Просмотр в хорошем темпе донесся до своей середины, и вдруг Хрущев потребовал остановить ленты. Он сказал, что у него закружилась голова. «А вы проконсультировались у врачей? А психиатры свое заключение сделали?» — закричал он тонким голосом.

Министр культуры чуть не упал в обморок. Он попытался нечто оправдательное, но его никто не слушал. Хрущев подошел к Кармену. Роман тихим, деловым голосом произнес:

— Врачи сказали, что фильм соответствует вполне нормальному восприятию...

Ответ получился дерзким, но Хрущев был в хорошем настроении. Он рассмеялся.

— Значит, ты считаешь меня вполне нормальным? Спасибо и на этом!

Инцидент был исчерпан, высокая аудитория досмотрела нашу картину до конца и молча. Хрущев со свитой отбыл, не прощаясь, не высказываясь, просто поднялся и отбыл. Остался с нами только Михайлов. Он был в шоке. Правда, это не помешало ему через несколько дней выплатить нам только половину предназначенной по договору суммы. Роман отнесся к министерскому наказанию спокойно:

— По крайней мере известно, сколько стоит одна неуклюжая фраза!

Картина (она называлась «Широка страна моя») шла в специальном кинозале несколько лет, была продана за границу. А в нашем дружеском лексиконе появилась шуточная фраза: «Врачи сказали, что фильм соответствует вполне нормальному восприятию».

В последующие годы мы с Романом не раз собирались поработать вместе. Были разные планы, но они гасли в самом начале.

Уже подходили к концу восьмидесятые годы. Кармен опять «заболел» Испанией. Он приехал ко мне ночью, как он любил выражаться, «пока с концепцией», то есть с замыслом. А что если поехать в Испанию и сочинить фильм об испанских детях?

Антонио Альварес, его ученик и ассистент, имеет теперь свою собственную киностудию в Мадриде.

Должна была получиться совсем новая советско-испанская лента, но в апреле 1978 года Роман Кармен умер. Умер, склонившись над завершающими кадрами своего сериала, за монтажным столом...

Антонио Альваресу я позвонил в Мадрид. Он кричал через всю Европу:

— Мы должны довести до конца карменовский фильм! Это будет наш памятник Роману Лазаревичу. Приезжай один, что теперь поделаты!

«Испанские дети» приняли меня в свое землячество. Они передавали меня от одного к другому, как эстафету — так я побывал в Мадриде, Севилье, Гранаде, на севере и на юге благословенной Испании.

На высоком душевном подъеме мы приступили к работе над осуществлением замысла Кармена. Договорились, что половину работы над сценарием исполним в Мадриде, а потом Антонио приедет в Москву — он давно не был в Союзе, к счастью, есть приглашение на Олимпиаду.

Но не судьба была нашему фильму родиться, ему снова преградила дорогу смерть: вернувшись на родную землю, я узнал, что Антонио Альварес накануне отлета в Москву переболел и умер от разрыва сердца.

Я остался последним и беспомощным автором неосуществленного замысла. Он рассыпался на стихи об Испании.

Всех героев я перечислять не буду,
Но поставив честь и совесть во главу,
Назову Хемингуэя и Неруду,
Мате Залку и Кармена назову.

● Р. Кармен.

Фото Е. Халдея.

● С. Э. Хемингуэз в Испании.

Фото из личного архива Р. Кармена.

● Р. Кармен и Е. Долматовский у Бранденбургских ворот.

Фото Е. Халдея.